

МИРОВОЙ ПОРЯДОК В XXI ВЕКЕ

Г.И. МИРСКИЙ

Америка и мир при Бараке Обаме

Избрание Барака Обамы Президентом США – событие уникальное и многогранное. Вполне понятно, что оно привлекло внимание многих аналитиков. Их точки зрения весьма различны и носят подчас противоречивый характер.

Наиболее значительно избрание Обамы для самой Америки. Не будет преувеличением сказать, что это своего рода поворотный пункт в истории заатлантической демократии. Глава государства – чернокожий человек и не просто афроамериканец. Трудно представить себе более необычное сочетание имен, чем Барак Хусейн Обама. Первые два имени – арабские: Барак от слова “барака” (благословение), Хусейн – любимое имя мусульман-шиитов: так звали главного мученика шиитского толка ислама, внука пророка Мухаммеда; Обама – одно из имен африканского племени.

Среди избирателей, имеющих образование выше колледжа (*postgraduates*), голосовавших за Обаму было на 18 процентных пунктов больше, чем за его соперника. Подтвердилось все чаще высказываемое предположение о том, что в американском обществе происходит серьезное размежевание именно по культурному критерию, что фактически образовались “две Америки”: одна – традиционная, менее образованная, но более набожная, имеющая сильные предубеждения против интеллектуальной, “морально распушенной, космополитической” прослойки, обычно ассоциирующейся с жителями Новой Англии и Калифорнии; это “одноэтажная Америка” фермеров и трудящихся малых городов, тех людей, о которых кандидат в вице-президенты от республиканцев С. Пэйлин с гордостью говорила, что вот это и есть реальная, проамериканская Америка. И вторая – более образованная, модернизированная, открытая всему новому Америка. Она и победила, пусть с не таким уж большим преимуществом, но ведь на выборах в США, как и вообще в демократических странах, подавляющего перевеса почти никогда не бывает.

”Обамаманья” достигла пика еще до начала экономического кризиса. Видимо, назрел исторический момент для некоего перелома в судьбе страны, и должен был появиться такой человек, как Обама. То, что он черный, сыграло роль, но не главную (фактор цвета кожи лишь подчеркнул качественность перелома). Если Америка созрела для того, чтобы сделать своим лидером представителя извечно дискриминируемых слоев общества, что было совершенно немислимо еще совсем недавно, значит, переворачивается страница истории, открываются новые горизонты. Внутренним чутьем это поняли десятки миллионов людей, интуиция толкнула их в сторону Обамы. Можно сделать общий вывод, что 4 ноября 2008 г. верх одержала более продвинутая, в перспективе политически более важная часть американского общества.

Мирский Георгий Ильич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Еще рано судить о том, появится ли когда-нибудь такое словосочетание, как “эпоха Барака Обамы”. Мало кто из американских президентов удостоивался того, чтобы его имя ассоциировалось с понятием “эпоха”. Говорят: “эпоха Рузвельта”, “эпоха Трумэна”, “эпоха Рейгана”, но мало кто отважится применить термин “эпоха” к периоду правления таких президентов, как Д. Эйзенхауэр, Дж. Картер, У. Клинтон или оба Буша. Обама может войти в мировую историю как заурядный или даже неудавшийся президент, но в истории США само избрание чернокожего президента на пост главы государства уже стало эпохальным событием. Оно показало всему миру пример сосуществования в одной стране различных этнических групп. До сих пор все эти группы могли найти свою нишу и выбиться в разряд достаточно благополучных общин – все, кроме афроамериканцев. Они оставались и остаются в основной своей массе наиболее обездоленными. С антинегритянскими расистскими настроениями далеко еще не покончено, и тем не менее именно из их среды вышел первый президент неевропейского происхождения. Не испаноязычный, не китаец, не индеец, а афроамериканец. С самого низа – на самый верх. Это говорит о способности к переменам американского общества.

А каким Обама станет президентом – это, разумеется, в первую очередь будет зависеть от того, сможет ли он справиться с экономическим кризисом. Если нет – все остальные достижения окажутся не слишком существенными. Но здесь от действий самого Обамы будет зависеть, пожалуй, меньше, чем от его решений в сфере внешней политики. Дело в том, что точно так же, как никто не мог предсказать финансового кризиса в США, никому не известны и средства, с помощью которых можно из него выйти. Даже если не удастся преодолеть кризис, то вряд ли в этом будет вина президента. Что же касается внешней политики, то здесь как раз меньше всего действуют некие иррациональные, не поддающиеся учету силы, и в отличие от проблем, связанных с глобальным экономическим кризисом, гораздо большую роль играют субъективный фактор, стратегия и действия руководителей, в данном случае Обамы.

Многие обозреватели уверены, что главный вызов, с которым столкнется Обама, будет исходить из сферы его взаимоотношений с Россией. Имеются в виду проблемы стратегических вооружений, судьба американских противоракет и РЛС ПРО в Европе. На самом деле здесь вряд ли следует ожидать какого-то катастрофического развития событий. Действительно, много неясностей в вопросе о том, что именно может заменить истекающий в декабре 2009 г. Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ). Вместе с тем не видно никаких непреодолимых препятствий для достижения договоренности по этой проблеме, учитывая, что оба президента – и Обама, и Д. Медведев – четко декларируют свое намерение такой договоренности достигнуть. Что же касается размещения РЛС в Польше и Чехии, то создается впечатление, что Обама, хотя и не откажется напрямую от осуществления данного проекта (это выглядело бы как потеря лица, уступка под давлением Москвы), в действительности готов отложить его в долгий ящик. Трудно также ожидать от него форсирования процесса приема Украины и Грузии в НАТО: зачем новому президенту создавать себе проблемы в отношениях с Россией, когда главные опасности для него, требующие действительно неотложных действий (о чем будет сказано ниже), возникают совсем в других местах?

Вообще, если отвлечься от таких проблем, как державные амбиции, боязнь показаться слабым, взаимное недоверие, а исходить из чисто прагматических соображений, можно сказать следующее: ни США, ни Россия никоим образом не заинтересованы не только в войне, но и в серьезной конфронтации. Российский политический класс на самом деле не заинтересован в новой “холодной войне”, в обострении отношений вплоть до риска самоизоляции.

Обама должен понимать, что антизападная, антиамериканская риторика российских официальных лиц и пропагандистов в значительной степени поверхностна, имитационна, ритуальна, она не отражает подлинных интересов людей, многие из которых послали своих детей учиться в английские и американские колледжи, имеют

сбережения и даже недвижимость на Западе. В официальном российском антиамериканском менталитете видное место занимает стремление мобилизовать народ, используя его растущие патриотические и националистические чувства; присутствует, конечно, и наследие советского менталитета, основанного на неприязни и подозрительности по отношению ко всему западному, особенно американскому. Для руководства США это неприятно, но особой тревоги не вызывает. При условии, что с российской стороны не будут предприняты какие-то вызывающие действия, есть шанс на достижение компромисса по проблеме вооружений. Ни Россия, ни Запад не заинтересованы в том, чтобы из-за вопроса о количестве и качестве ракет довести противостояние до такого уровня, когда всерьез возникнет опасность мировой ядерной катастрофы, взаимного самоуничтожения. Дело до этого не дошло даже в советские времена, в период “холодной войны”, хотя тогда были реальные идеологические и геополитические противоречия. Сейчас этого нет. Как конкурент России Западу не страшна, рынки нефти, газа и оружия вполне можно поделить, а кроме этого Россия ни в чем соревноваться с Западом, вытеснить его не может. Например, Китай, реальный конкурент, завалил Запад своими товарами – и никакой глобальной конфронтации с ним нет.

Очень уж сильная Россия, способная представлять собой экономическую угрозу Западу, вряд ли появится в обозримый период. А вот слабая Россия, обнищавшая, опасаясь роста сепаратизма, возможного расчленения, Россия с озлобленным населением, которое почти наверняка повернется в сторону крайне шовинистических, даже нацистских сил, – вот такая страна с ядерным оружием действительно стала бы для Запада “кошмарным сценарием”. Обама не может не понимать этого, и поскольку его приоритетами неминуемо будут восточные проблемы, логично ожидать от него умеренного курса на “российском направлении”. Понапрасну “дразнить гусей”, вызывать шумиху со стороны антиамерикански настроенных российских деятелей по поводу того, что США окружают Россию, хотят ее расчленивать и т.д., – это Обаме ни к чему. Чем спокойнее будут отношения с Москвой, тем легче будет ему действовать на главном направлении, а ведь именно там (Иран, Афганистан) американцам исключительно важно добиться взаимопонимания с Россией. Например, чтобы обеспечить согласованность действий в вопросе о санкциях против Ирана, надо заручиться поддержкой России, а не конфликтовать с ней.

Российское руководство, надо полагать, это понимает. Есть все основания (если, конечно, стоять на твердой, прагматичной почве национальных интересов и отбросить вторичные мотивы) для проведения курса стратегического партнерства с Вашингтоном. Особенно это важно в период всемирного экономического кризиса, когда очень многое будет зависеть от способности налаживать выгодные для нас отношения с потенциальными западными инвесторами. Кроме того, нетрудно предвидеть результаты проведения альтернативного курса – конфронтационного, построенного на стремлении использовать и эксплуатировать антиамериканизм, широко распространенный в мире. Именно на этом основывались некоторые, с большим размахом пропагандировавшиеся концепции многополярного мира, за которыми по сути дела скрывалось намерение создать альянс со всеми антиамериканскими силами на земном шаре. И что получилось?

Идея объединения усилий с Китаем, Индией и мусульманским миром на базе противостояния Соединенным Штатам оказалась, как и следовало ожидать, бесплодной. У Пекина, разумеется, есть свои “острые углы” во взаимоотношениях с Вашингтоном, но главное в том, что Китай, с одной стороны, – это крупнейший кредитор США, а с другой – теснейшим образом зависит от этой державы, на долю которой приходится самая большая часть китайского экспорта. Ожидать от Китая вхождения в какой-то антиамериканский альянс – явная нелепость. Индия не видит со стороны США никаких угроз, отношения между ними улучшились еще при Б. Клинтоне. Союз с мусульманским миром? Каким именно?

“Арабская улица” настроена резко антиамерикански, но не она определяет политику в условиях господства авторитарных режимов. А правящие круги таких суннит-

ских государств, как Египет или Саудовская Аравия, видят сегодня своего главного оппонента не в Америке, а в Иране. И вряд ли кого-то мог обмануть торжественный прием, оказанный российскому президенту в арабских странах. В кризисной ситуации все эти короли и президенты обратятся за помощью не к России, а к Америке. Вспомним 1990 г., когда танки Саддама Хусейна, захватив Кувейт, стояли у ворот Саудовской Аравии. Куда позвонил в панике король? В Вашингтон, а не в Москву, зная, что его выручит не Кантемировская дивизия, а американская морская пехота.

Попытки создать всемирный антиамериканский фронт на межгосударственном уровне были обречены на неудачу даже до прихода к власти Обамы, поскольку трезвомыслящие люди, даже те, кто негативно относятся к США, вряд ли всерьез верили в пропагандистскую шумиху о намерении американцев установить свое мировое господство. В этом смысле идея многополюсности сводилась просто к констатации уже всем понятного факта: после окончания “исторического соревнования двух систем” и краха СССР не может быть ни биполярной, ни тем более однополярной системы. В самом деле, можно ли себе представить, что США будут господствовать над такими странами, как Китай, Россия, Индия, Франция, Иран? Мир изменился бесповоротно, максимум того, к чему Америка может стремиться, – быть лидером, но никак не гегемоном. Правда, риторика и действия американских “неоконов”, навязывавших Буш-младшему свои абсолютно несостоятельные идеи, давали пищу антиамериканистам всех мастей, но сейчас многое изменилось. Ирак стал отрезвляющим моментом для внешнеполитических стратегов США. Идеи американского доминирования, игнорирования всех прочих сил и интересов, насаждения демократии и т.д. уходят в прошлое, “неоконы” потерпели фиаско и сброшены с ключевых постов. Избрание Обамы на пост президента может, в оптимальном для США случае, стать поворотным пунктом в истории взаимоотношений Америки с “остальным миром”.

Это отнюдь не означает, что исчезнет широко распространенный по всему миру антиамериканизм – явление, может быть, вечное, имеющее глубокие психологические корни. Америке приходится “платить” за то, что она самая сильная, самая богатая, за то, что ее культура, ее влияние, начиная от Голливуда, Макдоналдса, джинсов и кока-колы, проникает повсеместно. Те же самые люди, которые охотно воспринимают в своей жизни многое из того, что идет из Америки, могут с неприязнью относиться к американцам, их обществу, их ценностям, негодовать по поводу того, что США “всюду лезут”, и пр. Но это неравносильно образованию какого-то глобального антиамериканского фронта – при том, разумеется, что конкретные, иногда даже глубокие противоречия между США и другими государствами остаются. Так, российское руководство не может не испытывать беспокойство, видя, как США ведут “свою игру” в Центральной Азии, пытаются по ряду направлений продвигать свои интересы в ущерб нашим, и т.д. Важно лишь понять, что такого рода разногласия и столкновения интересов – это “дело житейское”. Так было всегда в истории, так устроено человечество, такова человеческая натура, со всем этим приходится жить, понимая, что никогда не придет время всеобщей гармонии, нигде не денутся реальные, объективные, часто не совпадающие государственные и экономические интересы.

У России и Америки нет непримиримых противоречий, нет и не может быть территориальных конфликтов, по существу отсутствует конкуренция в сфере экономики. Стратегические вооружения, расширение НАТО, РЛС в Восточной Европе – вот, собственно говоря, основные камни преткновения, но при наличии доброй воли и установлении взаимного доверия они могут быть устранены. Доверие – вот ключевой фактор. История знает множество примеров, когда попытки договоренностей срывались только потому, что каждая из сторон на переговорах изначально исходила из презумпции неискренности другой стороны, искала подвох в каждом предложении партнера, ломала голову в попытках понять, на чем именно ее хотят обмануть. И второй фактор, часто срывающий попытки сближения позиций, – страх “потерять лицо”, показаться слабым и чересчур уступчивым в глазах собственного населения, “домашней аудитории”. Во взаимоотношениях США и России заметно наличие обоих

этих факторов. Можно только надеяться, что Обама с его огромной популярностью в США, его высоким рейтингом доверия и уже заметной уверенностью в себе сможет преодолеть комплекс боязнь показаться слабым. Это же относится и к российскому руководству: оно, надо полагать, не станет прислушиваться к голосам наших “ястребов”, истерические рецепты которых, если им следовать, могут привести лишь к тому, что Россия будет выглядеть как закомплексованный подросток, боящийся показаться недостаточно “крутым”.

В целом можно предположить, что “европейское направление”, на котором главную роль играют отношения с Россией, не станет для Обамы основным источником вызовов и угроз. Гораздо важнее “азиатское направление”; вот там опасностей несравненно больше. И главная из них связана с обстановкой в странах, испытывающих влияние того феномена, который принято называть исламским радикализмом, или исламизмом.

Исламский радикализм черпает свою силу в жгучем ощущении несправедливости, которое испытывают люди в Азии и Африке, особенно в арабском мире. Отсталость, низкий жизненный уровень, нищета, безработица – фон, на котором процветает экстремизм. Во всем этом обвиняют старого врага – Запад, вчерашнего колонизатора и хозяина. Мусульмане гордятся своей древней и богатой цивилизацией, но видят, что в мировой иерархии их страны стоят на низшей ступени по сравнению с Западом. Убежденные в превосходстве своей культуры и в том, что только ислам является истинной религией, они с горечью видят, что в мире властвуют, задают тон другие. Сила, мощь, влияние в сегодняшнем мире – не у них, а у Запада. А Запад сегодня ассоциируется прежде всего с Америкой. Все это и порождает ощущение господствующей в мире несправедливости, комплекс неполноценности, осознания своей совершенно не заслуженной “второсортности” в глазах Запада, этого исконного эксплуататора, империалиста, стремящегося подавить и растворить в своей безбожной материалистической цивилизации традиционные ценности мусульманского мира.

Но помимо этого общего настроения имеется и важнейшая специфическая причина локального характера. Это – Иерусалим (по-арабски Аль-Кудс – священный), третий из священных городов ислама после Мекки и Медины, место, где находятся мусульманские святыни. Сейчас они в руках израильтян, которых мусульмане считают злейшими врагами ислама. Израиль для них – представитель и форпост Запада, прежде всего Соединенных Штатов. Американцев обвиняют в том, что по их воле евреи захватили святую землю. Практически единодушно мусульмане всего мира видят в этом трагедию и позор ислама, а преступниками называют Израиль и США. Это важнейший из конкретных аргументов, обосновывающих необходимость борьбы против Америки.

Удары исламистов и наносятся прежде всего по Америке, этому воплощению Запада. Несомненно, именно такого рода идеи воодушевляли людей, направивших 11 сентября 2001 г. самолеты на нью-йоркские небоскребы. Это были их джихад.

В документе, озаглавленном “Письмо к Америке”, опубликованном в ноябре 2002 г. (его авторство приписывают самому У. бен Ладену), перечисляются требования, предъявляемые исламистами американскому народу. Среди семи пунктов требований есть такие: “покончить с угнетением, ложью, аморальностью и развратом... признать, что Америка – это страна без принципов, перестать поддерживать Израиль в Палестине, Индию в Кашмире, Россию в Чечне, правительство Манилы, воюющее с мусульманами на юге Филиппин, перестать поддерживать коррумпированных лидеров в наших странах”. В документе говорится, что если американцы не последуют этим советам, они будут побеждены, как все предшествовавшие крестоносцы, “их судьба повторит судьбу Советов, которые бежали из Афганистана” (цит. по [Lewis, 2004, p. 158]).

Разумеется, не стоит воспринимать буквально всю эту риторику, равно как и опасаться того, что исламисты в самом деле хотят создать некий новый халифат. При всем их фанатизме они достаточно реалистически оценивают мировую обстановку. Их главная цель – прийти к власти в ключевых странах мусульманского мира – Египте,

Саудовской Аравии, Пакистане, Иордании (последняя важна потому, что граничит с Палестиной). Все это – суннитские страны, ведь исламисты, о которых пока шла речь, принадлежат, как и их духовный лидер У. бен Ладен, к ваххабитской секте суннитского толка ислама. Шиитский Иран – особая проблема. Для исламистов-ваххабитов овладение упомянутыми выше странами означало бы решающую победу, им удалось бы занять господствующие высоты в общине суннитов, составляющих девять десятых мусульман всего мира.

Подавляющее большинство мусульман, прямо или косвенно поддерживающих или одобряющих деятельность Аль-Каиды и родственных ей организаций, вряд ли думают о таких вещах, как новый халифат или установление господства исламистов в тех или иных странах. Более того, если бы им объяснили, кто такие, например, талибы, друзья и покровители Аль-Каиды, которые запрещают музыку, телевидение, закрывают школы для девочек, велят мужчинам отращивать бороды определенного размера, побивают палками женщин, осмелившихся появиться на улице без сопровождения родственника мужского пола, и даже устраивают на стадионах публичные казни лиц, обвиненных в прелюбодеянии (так было в Афганистане), мусульмане в ужасе отшатнулись бы. Но дело в том, что поддержка исламских экстремистов имеет иные мотивы: возмущение (по терминологии исламистов) “агрессивной, антиисламской политикой Америки и ее союзников”. Война в Ираке или вторжение израильских войск в Газу несравненно важнее для мусульманских масс в Азии, Африке, теперь и в Европе с ее растущим мусульманским населением, чем доказательства “аморальности” западного общества или призывы к возрождению “чистого первоначального ислама”.

Тем не менее отношение мусульманской уммы к Америке как таковой было бы неправильно считать абсолютно негативным. Примерно 8 млн мусульман, живущих в США, отнюдь не ощущают себя дискриминированными и обделенными, их уровень жизни даже превышает средние показатели по стране. 52% американских мусульман относятся к среднему классу и лишь 10% имеют низкие доходы. Об этом знают в мире ислама, недаром молодежь из состоятельных семей охотно едет в США учиться, а затем, если получится, остается там работать.

Итак, все дело не в религии, не в противостоянии ислама и христианства, не в “войне цивилизаций”, а в возмущении широких масс исламского мира конкретной политикой западных держав, в первую очередь США. И это возмущение растет на общем фоне положения мусульманского сообщества в современном мире, которое рассматривается как второсортное, обидное для людей, с детства слышавших, что только они – представители “лучшей из общин человечества”, как сказано в Коране. Ущемленное достоинство – вот ключевое понятие для характеристики противостояния двух миров – западного и исламского.

Чем же была вызвана эта оскорбительная и унижительная для мусульман политика США и их союзников в последние десятилетия? О палестинской проблеме уже было сказано. Произраильская в целом политика США имеет в своей основе различные факторы. Здесь и политический союз с Израилем в период “холодной войны”, когда еврейское государство рассматривалось Вашингтоном как плацдарм, прогивовес все больше склонявшемуся в сторону Москвы арабскому миру; и огромное влияние “израильского лобби” на политику США; и сочувствие народу, пережившему Холокост; и широко распространенное в американском обществе – самом набожном из западных обществ – убеждение в том, что необходимо поддерживать “народ Ветхого Завета”, этого “старшего брата христиан” (особенно в этом убеждены евангелисты, члены наиболее быстро растущей из христианских общин США); и страх по поводу растущей “исламской угрозы”, резко усилившийся после террористической акции исламистов 11 сентября 2001 г. Израиль опять выглядит как бастион, на этот раз не против советского влияния в арабском мире, а против исламистского терроризма.

Трудно рассчитывать на создание благоприятного имиджа США в мусульманском сообществе без урегулирования израильско-палестинского конфликта, без справедли-

вого решения об образовании палестинского государства. Увы, сейчас условий для такого решения не видно, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Обстановка значительно ухудшилась по сравнению с началом 1990-х гг., когда казалось, что соглашения Осло открыли путь к реализации идеи двух государств на палестинской земле. С тех пор была палестинская “интифада”, взрывы, устраивавшиеся смертниками-шахидами, вторжение израильских танков в палестинские города, рост еврейских поселений на Западном берегу Иордана, строительство разделительной стены между еврейскими и арабскими территориями, приход к власти в Газе непримиримой экстремистской организации ХАМАС, раскол в палестинском лагере и конфронтация ФАТХ и ХАМАС, усиление правых партий в результате последних выборов в Израиле. Столько взаимного недоверия, столько горечи и разочарования накопилось за эти годы и в еврейском, и в арабском обществе, столько фрустрации и ненависти, что перспективы “прорыва” в длящемся десятилетии конфликте выглядят крайне неутешительно. При всей доброй воле Обамы непохоже, чтобы ему в ближайшие годы удалось добиться кардинального перелома ситуации. “Палестинский камень” будет по-прежнему тяжело висеть на шее американской администрации.

Два других “камня” – войны в Афганистане и Ираке. Начнем с Афганистана, вторжение в который было предпринято президентом Дж. Бушем-младшим в ответ на организованный Аль-Каидой террористический акт 11 сентября 2001 г. Об этом преступлении, унесшем жизни более 3 тыс. человек, написано очень много. До сих пор не прекращаются попытки доказать, что “американцы сами себя взорвали”, что администрация США вместе с израильскими спецслужбами специально устроила эту бойню в качестве предлога для вторжения в Афганистан, а затем и в Ирак. Приводятся “фактические доказательства” того, что на самом деле люди погибли не от ударов самолетов, а от каких-то заранее заложенных зарядов, и пр. Но не говоря уже о том, что чисто психологически, по-человечески невозможно себе представить, чтобы руководство государства пошло на массовое убийство собственных граждан (хотя бы потому, что в такой операции надо задействовать множество людей, и всегда есть колоссальный риск утечки информации, разоблачения, и страшно даже себе представить судьбу президента и всего его потомства в таком случае), данная версия убедительнейшим образом опровергается тем, что сама Аль-Каида не только признала ответственность за террористический акт, но и гордится им. Некоторые удивляются, почему же после 11 сентября Аль-Каида не совершила больше ни одного взрыва на территории США. Ответ прост: ей это не нужно. Ведь цель ее террористической деятельности не в том, чтобы убить как можно больше американцев (что такое несколько тысяч по сравнению с 300 млн американских граждан?), а в том, чтобы продемонстрировать свою способность наносить удары в самое сердце “Большого Сатаны”. Что и было доказано. В глазах жителей Запада и – что еще важнее – мусульманского населения всего мира джихадисты утвердили свою мощь.

Но еще существеннее другая цель: спровоцировать Соединенные Штаты на ответный удар по исламскому миру с тем, чтобы вызвать более мощную, чем когда-либо, волну возмущения и ненависти к Америке не только в мусульманских странах, но и во всем “третьем мире”. Вот это и было бы то самое “столкновение цивилизаций”, о котором писал С. Хантингтон.

Этот ответный удар Соединенные Штаты, как и ожидалось, нанесли, обрушившись на режим Талибана в Афганистане. Бен Ладен предполагал, что война там продлится долго, и каждый день на экранах телевизоров станут показывать трупы мусульманских женщин и детей, что не могло бы не вызвать в конечном счете такой взрыв возмущения в исламских странах, что их правители, по определению не способные разделить народное негодование и принять американский вызов, будут сметены. Ожидалось свержение проамериканского режима П. Мушаррафа в Пакистане и катастрофическое ослабление, если не падение, правящих сил в Саудовской Аравии и Египте. Но этот расчет не оправдался: сверхсовершенная американская военная технология, поддержка со стороны Северного альянса, помощь России, разрешившей

властям государств Центральной Азии предоставить на своей территории базы для ВВС США, – всего этого оказалось достаточно, чтобы быстро покончить с режимом талибов и ликвидировать базы Аль-Каиды. Мусульманский мир не успел “разогреться”, раскататься, революций нигде не последовало. Но вскоре Буш преподнес исламистам подарок, вторгшись в Ирак, и теперь уже эта страна стала базой, центром притяжения боевиков.

Вторжение американско-британских войск в Ирак в отличие от операции в Афганистане не укладывается в рамки антитеррористической операции, поскольку так и не было доказано, что иракский режим имел конкретные связи с Аль-Каидой или другими аналогичными террористическими организациями. Точно так же не нашлось доказательств наличия в Ираке оружия массового уничтожения, хотя известно, что оно прежде там было и применялось против Ирана и иракских курдов. Таким образом, оба официальных предлога для нападения на Ирак оказались несостоятельными, и война с Ираком была начата без реальных оснований, хуже того – на базе сознательно сфальсифицированной информации.

Тем не менее можно утверждать, что вторжение в Ирак косвенно связано с террористической акцией 11 сентября и вряд ли могло бы состояться, если бы этой акции не было. Дело в том, что саддамовский Ирак уже с начала 1990-х гг. стал “бельмом на глазу” у Вашингтона, хотя до этого он был фаворитом американцев. Роковой для Саддама шаг – необдуманное нападение на Кувейт, с чего и начались все беды багдадского диктатора и несчастья для иракского народа, – коренным образом изменил ситуацию. Для американского общественного мнения после кувейтской агрессии Саддам превратился буквально в исчадие ада. Такие настроения, естественно, усилились после того, как Саддам стал забрасывать ракетами Израиль. И все это происходило на фоне давно нараставших в США антимульманских настроений, впервые давших о себе знать после “исламской революции” в Иране и захвата в заложники американских дипломатов.

Интервенция в Ираке была задумана Бушем сразу же после событий 11 сентября. Но громоздкой машине госдепартамента, которая должна была обеспечить пропагандистское прикрытие и обоснование операции, понадобилось почти полтора года, чтобы попытаться убедить мир в необходимости интервенции. Этого так и не было достигнуто, но Буш начал войну и без международного одобрения, и без союзников, за исключением Великобритании. В военном отношении операция была подготовлена превосходно, иракская армия, еще недавно одна из сильнейших в регионе, была сокрушена за три недели, режим Саддама рухнул под ликование и проклятия шиитов и курдов.

Следовало ли Соединенным Штатам предпринимать интервенцию в Ираке? Подавляющее большинство людей во всем мире, включая самих американцев, не раздумывая, ответят: нет. Но не все так просто. Конечно, страшно пострадал прежде всего сам Ирак, погибли сотни тысяч людей – не от рук американцев, а от собственных экстремистов. Далее, США получили новый очаг исламистского терроризма на Ближнем Востоке, а также невольно укрепили позиции своего главного регионального противника – Ирана, устранив его давнишнего врага – Саддама. Наконец, невозможно подсчитать ущерб, нанесенный Америке в глазах мирового сообщества, особенно в исламском мире; тысячи добровольцев влились в транснациональную исламистскую террористическую сеть.

Прав был В. Путин, еще в 2003 г. назвавший американско-британскую операцию в Ираке ошибкой. Именно ошибкой, а не агрессией или преступлением. Нельзя назвать преступной акцию, направленную на свержение одного из самых бесчеловечных режимов последних десятилетий. Только в 1989 г. в ходе операции “Анфаль” погибло 160–180 тыс. курдов, десятки тысяч шиитов, “болотных арабов” на юге, коммунистов, баасистских лидеров, ставших жертвами фальсифицированных в чисто сталинском духе процессов. Этот чудовищный список позволит поставить казненного иракского диктатора в один ряд с камбоджийским извергом Пол Потом и угандийским тираном Иди Амином. Другое дело – как была проведена не военная операция, а гораздо более

важная послевоенная, то есть сумма мероприятий, призванных обеспечить переход Ирака от тоталитарной деспотии к правовому демократическому устройству. Здесь американцы потерпели полное фиаско.

Ирак – одна из стран, наименее подходящих для строительства стабильного демократического государства. Арабы-шииты издавна ощущают себя жертвами суннитского засилья, арабы-сунниты презирают шиитов, а к курдам с предубеждением относятся и те и другие. Единая иракская нация так и не сложилась. И когда рухнула тирания, это стало очевидным. Взаимная неприязнь суннитов и шиитов, двух мусульманских конфессий, каждая из которых считает только себя единственно праведной, выражающей дух “истинного ислама”, превратилась в ненависть, экстремисты с обеих сторон принялись безжалостно истреблять мирное население, десятки тысяч людей стали жертвами взрывов бомб при выходе из мечети или университета, на призывных пунктах армии и полиции. И дело тут не в религиозных расхождениях: в Ираке еще со времен турецкого владычества господствовали сунниты, а шииты были дискриминируемой, презираемой и преследуемой общиной. И вот все изменилось. В результате выборов большинство мест в парламенте получили шииты, которые составляли около 60% населения. Это был бы конец многовекового правления суннитов, конец эпохи, допустить который сброшенная со всех командных высот суннитская верхушка не могла. Да и значительная часть шиитов, вместо того, чтобы поблагодарить Америку за предоставленную возможность легальным путем занять доминирующие позиции в государстве, образовала собственное вооруженное сопротивление. Американцы оказались между двух огней, хуже того – между трех, так как на помощь суннитским боевикам пришли тысячи добровольцев из арабских стран, вставших под знамя Аль-Каиды, точно так же, как двумя десятилетиями раньше предыдущее поколение моджахедов хлынуло в Афганистан для борьбы с Советской армией.

В 2006 г. в Ираке, когда вакханалия насилия достигла своего апогея, в месяц погибли 3,5 тыс. гражданских лиц. Казалось, американцы проиграли войну бесповоротно, надо срочно выводить войска. Но уже в следующем году обстановка стала меняться к лучшему. Во-первых, доминирующие в правительстве шииты под давлением американцев пошли на серьезные уступки суннитам. Во-вторых, политические классы обеих общин, видимо, в конце концов поняли, что дальнейшее взаимоистребление приведет к гибели страны, распаду Ирака. В-третьих, зверства фанатиков Аль-Каиды восстановили против них суннитскую общину, и суннитские боевики, переменяв фронт, совместно с американцами выступили против своих прежних союзников. Число жертв среди гражданского населения уменьшилось, и хотя в начале 2009 г. экстремистские элементы с обеих сторон возобновили террористические акции, все же появилась надежда на то, что после вывода американских войск, намеченного на 2011 г., в Ираке установится относительная стабильность; возможно, худшее уже позади. Как сказал Обама, “если бы два года тому назад мне сказали, что Ирак будет наименьшей из моих забот, я бы ни за что не поверил”.

А наибольшей заботой вновь стал Афганистан. Казалось бы изгнанные талибы подняли голову. Талибы – это этнические пуштуны (один из древнейших народов на земле), обучавшиеся в Пакистане сыновья тех, кто бежали из Афганистана во время войны с Советской армией. Естественно, что изгнание талибов из Афганистана американскими войсками в 2001 г. было воспринято пакистанскими пуштунами как поражение пуштунской общности в целом – ведь принадлежащие к этой общности люди живут по обе стороны афгано-пакистанской границы, в принципе не признавая ее, ощущая себя как одна нация. И пуштунская солидарность объясняет тот факт, что бежавшие из Афганистана талибы нашли убежище в горах Северо-Западной пограничной провинции Пакистана и в так называемой ФАТА (Федерально администрируемой территории племен), то есть в Вазиристане и других близлежащих районах. Передохнув и перевооружившись, талибы несколько лет тому назад решили взять реванш и перешли в контрнаступление против войск НАТО в Афганистане. Им удалось установить контроль над несколькими южными провинциями Афганистана, их под-

держивает значительная часть афганского пуштунского населения, недовольная присутствием иностранных войск и слабой, коррумпированной властью, возглавляемой президентом Карзаем. Возникла реальная угроза восстановления господства Талибана в Афганистане. А если талибы опять войдут в Кабул, с ними, возможно, вернется и Аль-Каида. Для Америки это недопустимо, это все равно что плюнуть на могилы тех, кто погибли в “башнях-близнецах” 11 сентября 2001 г. И если Обама не сможет предотвратить такой ход событий, для него это будет крупнейшим политическим поражением, а для США – недопустимым позором.

Но пока талибы имеют базу и убежище на пакистанской территории, война может длиться десятки лет, победить повстанцев будет невозможно. Американцы, конечно, задействовали свои вооруженные силы, их беспилотные аппараты (“дроны”) то и дело наносят удары с афганской территории по гнездам талибов в Пакистане. Но при этом страдает мирное население, крестьяне-пуштуны гибнут или вынуждены бежать из своих домов, что вызывает огромное раздражение среди пакистанского народа в целом – не только пуштунов. Антиамериканские настроения в Пакистане вообще чрезвычайно сильны вследствие политики США в Ираке, Палестине и т.д.

Сейчас совершенно ясно, что разгромить талибов на северо-западе Пакистана может только сама пакистанская армия. Однако она на протяжении десятилетий нацелена на борьбу против главного, традиционного врага – Индии, и ей, как и большей части пакистанского общества, мало дела до пуштунов-талибов, угнездившихся в горах на окраине страны. Есть сведения, что часть пакистанских спецслужб давно тайком помогает талибам. Переломить ситуацию, перенацелить пакистанские вооруженные силы на северо-запад, в пуштунские горы – такова первоочередная задача США, и Обама вскоре после вступления в должность заявил о новой “всеобъемлющей стратегии” по отношению к Афганистану и Пакистану. Обе страны рассматриваются как один театр военных действий, в США уже появилась формула “Аф-Пак”. Перед Обамой стоят две проблемы: удерживать Индию (с которой отношения улучшились еще при Клинтоне) от военного ответа на провокации пакистанских террористических исламистских группировок (что могло бы привести к войне между двумя союзниками США в Южной Азии, да еще обладающими ядерным оружием) и энергично толкать Пакистан на борьбу против талибов и Аль-Каиды. Проигрыш на этом направлении будет означать возможную потерю Пакистана и первое крупнейшее внешнеполитическое поражение Обамы. Для него сейчас это главный фронт.

И наконец, Иран. Анализируя иранскую ядерную эпопею, можно вспомнить “сказку про белого бычка”. На самом деле нужно рассмотреть мотивы заинтересованных сторон. Иранское руководство, видимо, твердо намерено если не произвести атомную бомбу, то, по крайней мере, достичь такого уровня технической готовности, который позволил бы в любой момент ее создать. Реально Тегерану не нужна бомба, ее не на кого бросать – Америка слишком далеко, а удар по Израилю поразил бы не только 6 млн евреев, но и примерно столько же арабов, и трудно себе представить, чтобы правители Исламской республики на это пошли. Главное – добиться такого уровня обогащения урана, который означал бы достижение “пятиминутной готовности”; это близко к северокорейскому сценарию. Вот тогда амбиции иранских лидеров были бы удовлетворены полностью: в одиночку, в противоборстве с Западом, Иран действительно стал бы ядерной державой, посрамив “Большого Сатану” – Америку и став в авангарде исламского мира.

Идя по этому пути, Тегеран ничего не боится, считая, что все козыри у него на руках. Он не опасается такого рода санкций ООН, которые были бы для него губительны (запрет вывоза нефти или тем более силовая акция), а частичные, “беззубые” санкции Ирану не страшны. Возможно, ужесточение санкций было бы даже на руку иранскому руководству – тогда Иран мог бы выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия, прервать все контакты с МАГАТЭ, избавиться от международных инспекторов и беспрепятственно вести работы по дальнейшему обогащению урана, а иранский народ, которому было бы сказано, что “американский Сатана и сионизм

хватают нас за горло, но мы не встанем на колени”, еще больше сплотился бы вокруг своего правительства.

Тем не менее бесконечно вести игру в “кошки-мышки” нельзя. Совет Безопасности ООН не может не занять более жесткую позицию. Перед российской дипломатией стоит архисложная задача: проявляя сверхчеловеческое терпение, упорно добиваться разрешения конфликта с Ираном, все время повторяя, что годится только политический путь, что лучше все новые и новые этапы переговоров, чем военная акция. Ставки для России довольно высоки: во-первых, крайне нежелательно в лице Ирана терять выгодного экономического партнера, многомиллиардные контракты. Во-вторых, прекращение активной фазы конфликта могло бы принести Москве серьезный международный выигрыш: Россия оказалась бы державой, сумевшей своей терпеливой дипломатией предотвратить кризис мирового масштаба. Ради этого не стоит жалеть усилий, даже соглашаясь с унизительной ролью “ведомого” в игре с Тегераном. В-третьих, в Москве убеждены (и не без оснований), что усиление давления на Тегеран будет контрпродуктивным, изолирует и ожесточит иранских лидеров и обеспечит им поддержку населения. В-четвертых, сохранение и углубление тупика рано или поздно может привести к войне: Израиль, не доверяя ни единому слову иранских лидеров, отрицающих свое намерение создать бомбу и в то же время не устающих говорить о необходимости стереть еврейское государство с карты мира, не будет сидеть сложа руки, когда станет ясно, что Ирану осталось сделать один шаг до обладания ядерным оружием.

Обама еще в период выборной кампании говорил, что он согласен на переговоры с иранским руководством. Он повторяет это и сейчас, делая ряд жестов в сторону Тегерана. Каковы могли бы быть условия прекращения тридцатилетней конфронтации? Для Ирана важно, чтобы Вашингтон исключил его из списка “оси зла” и дал обязательство не предпринимать никаких шагов для свержения существующего режима (это Обама сделать в состоянии). Для США главное – прекращение Ираном работ по обогащению урана, которые идут полным ходом. Но ставить этот вопрос в качестве предварительного условия для начала переговоров непродуктивно: Тегеран на это не пойдет, опасаясь, что он “потеряет лицо”, отказавшись под давлением американцев от законного права на развитие ядерной энергетики (ведь официально его программа не имеет военной направленности). Видимо, какой-то компромисс может быть достигнут только в ходе самих переговоров, но иранцы – великие мастера затягивать, “забалтывать” любые переговоры, а тем временем все большее число центрифуг на заводе в Натанзе будет крутиться, и в Израиле станет расти соблазн нанести удар по иранским ядерным объектам – пока еще не поздно, пока не перейдена “красная черта”, после чего производство атомной бомбы в Иране окажется лишь вопросом времени. И Обама находится в труднейшем положении: он не может, как и любой американский президент, игнорировать интересы безопасности Израиля, но не может и не хочет втягивать США в новую войну против еще одной мусульманской страны. Сумеет ли он пройти по лезвию ножа?

Итак, Иран, “Аф-Пак”, Ирак и палестинский узел – вот четыре первоочередные проблемы, стоящие перед нынешним американским президентом. А поскольку он намерен резко улучшить имидж, авторитет своей страны в мире, то должен пройти испытания без применения силы, чтобы никто не мог сказать: “Вот, Америка остается прежней, неважно, какого цвета кожи ее лидер; как и раньше, чуть что – и отправляют свою морскую пехоту”.

Вообще говоря, не всегда военные интервенции США имели только негативные последствия. Конечно, Соединенные Штаты иногда фарисейски закрывают глаза на безобразия, творимые их собственными союзниками. Это государство все время – и часто справедливо – клеймят за имперское высокомерие, бесцеремонное вмешательство в чужие дела, агрессивные акции в разных частях света. Но есть и другая сторона медали. Вспомним 1950 г., когда северокорейский режим бросил свою армию на Южную Корею и в считанные недели захватил почти всю территорию этого суверенного

государства. Совет Безопасности ООН выступил против агрессора, но кто, кроме американских вооруженных сил, смог бы освободить Южную Корею? То же случилось в 1991 г. с Кувейтом: только войска США смогли разгромить иракского агрессора и восстановить независимость этого государства. Если бы не решимость США, корейцы на юге почти 60 лет жили бы в голодной стране с тоталитарным режимом, а Кувейт навеки оставался бы иракской колонией.

В обоих случаях Соединенные Штаты фактически сыграли роль инструмента ООН, “вооруженной руки” международной организации. Кроме них, ни у одного государства не было ни желания, ни практической возможности выступить в защиту жертв вторжения. А ведь кто знает, не столкнется ли мир и в дальнейшем с актами грубой агрессии со стороны того или иного государства? И кроме Соединенных Штатов, ни одна страна не сможет и не захочет выступить (разумеется, с санкции ООН) в качестве мирового полицейского. А такая функция будет все более востребована, ведь в современном мире наряду с национальными государствами все большую роль начинают играть негосударственные, транснациональные силы, некоторые из которых несут с собой угрозу терроризма, анархии, распада мировых структур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Lewis B. The Crisis of Islam. New York, 2004.

© Г. Мирский, 2009